

Жизнь Шангуань Цинъюня протекала тепло и уютно. Сверху его безгранично баловал Шангуань Цинлянь, а снизу служанки — хрупкие снаружи, но суровые внутри — под предводительством Бинян старались изо всех сил, улаживая его во всём. Шангуань Цинъюнь чувствовал, что действительно рискует превратиться в такого же раздражающего типа, каким в его прошлой жизни был старший соученик из знатного клана, соревновавшийся с ним за внимание младшей соученицы.

Наступила очередная ночь. Шангуань Цинъюнь лениво возлежал на кушетке: в одной руке он держал «Иллюстрированный справочник духовных растений», а другой собирался отправить в рот духовный плод.

— Цинъюнь хочет стать фармацевтом?

Вошедший слегка наклонился и слизал духовный плод прямо с пальцев Шангуань Цинъюня, когда тот уже подносил его к губам. Перехватив угощение, он ещё и провёл языком по его пальцам.

Шангуань Цинъюнь даже не поднял головы — он просто взял из тарелки ещё один духовный плод.

— С Цинъюнем становится всё скучнее, раньше ты хоть злился, — Шангуань Цзюэ поднял голову и посмотрел в окно. В его голосе звучала глубокая ностальгия. Если бы кто-то увидел его со стороны, обязательно подумал бы, что этот невероятно красивый мужчина тоскует по ушедшей любви... Ага, как бы не так!

Шангуань Цинъюнь не желал более удостаивать Шангуань Цзюэ даже взглядом. С двухлетнего возраста ему каждый вечер приходилось терпеть от него всяческие домогательства... то есть подшучивания. Из-за того, что подобное повторялось каждую ночь, Шангуань Цинъюнь научился игнорировать происходящее, сохранять невозмутимость и удерживать абсолютное бесстрашие на лице.

Шангуань Цзюэ, видя, что Шангуань Цинъюнь не обращает на него внимания, ничуть не расстроился. Он усадился в стороне, достал кувшин изысканного нектара и устроился пить в одиночестве, любуясь яркой луной за окном.

Спустя долгое время Шангуань Цинъюнь отложил книгу и посмотрел на Шангуань Цзюэ. Его немного удивило, что тот сегодня ведёт себя столь тихо. Раньше он не успокаивался, пока не доведёт его до смены эмоций на лице.

Заметив на себе взгляд Шангуань Цинъюня, Шангуань Цзюэ мягко улыбнулся. Эта улыбка была способна очаровать любое живое существо: даже Шангуань Цинъюнь, видевший в прошлой жизни немало ослепительных красавиц, на мгновение заворужённо застыл.

Красная одежда сидевшего в кресле сползла с плеча, обнажая изящную ключицу и белую,

гладкую кожу. Его глаза мерцали, точно от опьянения, а на губах застыла улыбка — то ли безумная, то ли насмешливая. Это зрелище невероятно пьянило и лишало покоя. Остолбенел, да? — опомнившись, Шангуань Цинъюнь обнаружил, что Шангуань Цзюэ уже стоит перед ним. Тот смотрел на него с приподнятой бровью, выпрямившись во весь рост, в безупречно аккуратных одеждах.

Ты... — Шангуань Цинъюнь хотел что-то сказать, но понял, что не может вымолвить ни слова.

Что я? — насмешливо переспросил Шангуань Цзюэ.

На этот раз Шангуань Цинъюнь окончательно лишился дара речи и мог лишь смотреть на Шангуань Цзюэ.

А некий предок, совершенно не осознававший пикантности ситуации, выложил сногсшибательную новость:

У меня небесные иньские закупоренные меридианы.

Ха!

Не слишком ли всё спокойно? — подумал Шангуань Цинъюнь, глядя на плоскую, словно степь, грудь Шангуань Цзюэ.

Шангуань Цзюэ почувствовал, куда направлен взгляд Шангуань Цинъюня, и отвесил ему щелчок по лбу: Я мужчина.

Шангуань Цинъюнь был потрясен до глубины души, ведь еще ни один мужчина с небесными иньскими закупоренными меридианами не доживал до шестнадцати лет. А теперь Шангуань Цзюэ разрушил привычное представление об этом мире.

Впрочем, неудивительно, что одна лишь улыбка Шангуань Цзюэ могла очаровать всех существ в поднебесной.

Хе-хе, забавно наблюдать, как меняется твое лицо, — произнеся это, Шангуань Цзюэ вдруг помрачнел, и на его лице отразилась невыразимая тоска.

Если бы всё шло по обычному сценарию, то младший, увидев печаль на лице старшего, непременно бросился бы его утешать, а старший рассказал бы о всех перенесенных страданиях. Младший проникся бы еще большим сочувствием, заключил бы старшего в объятия, тот воспользовался бы моментом, повалил младшего, задул свечи — и на этом роман был бы окончен. Автор мог бы со спокойной душой уйти гулять и больше не обновлять текст каждый день.

Кхм-кхм, это не обычный любовный роман, Шангуань Цинъюнь всё еще следует по пути героя в духе сетевых романов, так что описанный выше сценарий здесь невозможен.

Ты сказал это только ради того, чтобы посмотреть, как изменится мое лицо? — невозмутимо спросил Шангуань Цинъюнь, глядя на тоскующую красавицу рядом. — А как же иначе? — Шангуань Цзюэ тихо усмехнулся. Пусть когда-то ему пришлось немало выстрадать из-за Небесного Инь-закупоренного меридиана, теперь он уже не был тем слабым культиватором, неспособным вершить собственную судьбу. Теперь он был мастером поздней стадии Пересечения Скорби, способным бросить вызов самим Небесам.

— Будешь вина? — Шангуань Цзюэ достал из пространственного кольца бутылку с отменным напитком.

Шангуань Цинъюнь без колебаний принял её. Он уже очень давно не пил вина, в последний раз это было ещё в прошлой жизни.

Наблюдая за тем, как Шангуань Цинъюнь жадно припал к бутылке, словно заправский пьяница, Шангуань Цзюэ невольно покачал головой и усмехнулся.

Сделав глоток, Шангуань Цинъюнь почувствовал, как голова закружилась, а перед глазами всё поплыло. Не может быть! Ведь он славился тем, что не пьянел даже после тысячи кубков, в прошлой жизни он выпил пятьдесят чанов со своими братьями и оставался трезв как стеклышко. Думая так, он снова приложился к бутылке, совершенно забыв о том, что это была прошлая жизнь, а в этой — его нынешнее тело никогда не пробовало алкоголя.

Шангуань Цзюэ посмотрел на него: взгляд затуманился, на лице блуждала глуповатая улыбка.

— Кто я? — спросил он.

— Ты... ты... ик, — ответил тот и, издав икоту, продолжил глупо улыбаться.

Глядя на Шангуань Цинъюня, чьё лицо покраснелось от хмеля, а сознание окончательно помутилось, Шангуань Цзюэ почувствовал озорство.

— Я твой спутник на пути совершенствования, Шангуань Цзюэ, — сказал он.

— Хи-хи-хи-хи, — Шангуань Цинъюнь глупо рассмеялся, а затем возразил: — У моего спутника грудь не такая плоская, как у тебя.

Его Юэ-Юэ, Сю-эр, Цзюша — все они были великими красавицами, и грудь у них была отнюдь не плоская, а весьма пышная. Он закрыл лицо руками, краснея и радуясь как дитя.

Шангуань Цзюэ потерял дар речи, глядя на то, как Шангуань Цинъюнь то закрывает лицо руками, то довольно хихикает. Впрочем, он успел записать это постыдное зрелище на нефритовый бамбук, чтобы показать ему, когда тот протрезвеет.

Так Шангуань Цинъюнь бесславно лишился своей репутации.

На следующее утро, проснувшись в постели и обнаружив рядом нефритовый бамбук, он, взглянув на запись, захотел немедленно убить Шангуань Цзюэ. Он попытался уничтожить артефакт, но Шангуань Цзюэ оставил внутри сообщение: копий сделано множество, так что уничтожение оригинала не поможет. Тем не менее, Шангуань Цинъюнь всё равно разбил его вдребезги — такие вещи не должны видеть посторонние, достаточно того, что их видели они двое. Поистине, вино до добра не доводит.

В отличие от насыщенной — и шумной — жизни Шангуань Цинъюня, у Ци Юэцзяня дела шли куда хуже. Сначала его наставник, Истинный Человек Юнлянь, устроил допрос, куда подевалось сокровище — Белая Нефритовая Ладья. Ци Юэцзянь отвечал заикаясь, из-за чего наставник чуть не приволок его в Зал наказаний для разбирательства. Затем последовал вопрос о том, как Ци Юэмен получила ранения, и почему он, старший брат-ученик, не уберег младшую сестру. Казалось, Ци Юэцзянь был для своего учителя лишь обузой.

Раздраженный бесконечными расспросами, Ци Юэцзянь, видя, что отпираться бессмысленно, решил сжечь мосты. Он выложил всё как на духу: и как его глупая младшая сестра пыталась навязаться главе клана Шангуань, и как потом решила напасть на его сына, за что и была жестоко избита; и как он сам, спасая сестру от гнева Шангуань Цинляня, был вынужден отдать Белую Нефритовую Ладью в качестве откупа. Вдобавок он не удержался и высказал своё мнение о том, что сестра не только набросилась на сына главы клана, но и вознамерилась стать его мачехой.

— Ты... ты... негодный ученик! Смотри, как я тебя прибую! — Истинный Человек Юнлянь так рассвирепел, что у него прихватило сердце, и ему хотелось лишь одного — стереть этого мерзавца в порошок.

Поняв, что дело пахнет керосином и его, скорее всего, изгонят из секты, Ци Юэцзянь пустил в ход свои артефакты, чтобы отразить удар наставника, вложившего в него четыре десятых своей силы. Затем, собрав все силы, он использовал духовный артефакт и сбежал из Секты Юньсинь. К счастью, остальные ученики не знали, что произошло, иначе путь с горы был бы для него куда труднее.

С тех пор Ци Юэцзяня больше никто не видел. Лишь тысячу лет спустя, когда он вернулся в секту, всё вокруг уже стало совершенно иным.